

Николай Костин

Супертеррорист Савинков

Оригинал здесь: [ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА -- Биографии -- Герои и антигерои Отечества](#)

Август 1924 года выдался в Москве на редкость прохладным и пасмурным. Над потускневшими крышами домов ползли и ползли косматые тучи. Порою мгла зависала над внутренней тюрьмой ВЧК на Лубянке, и с неба сыпал мелкий дождь.

Борис Савинков тоскливо смотрел в "копеечное" окно камеры. Ему хотелось поднять руки, оттолкнуть от себя все то, что с ним случилось за последние пять фантастических дней... На столике, за которым он сидел, лежала развернутая газета. На ее первой полосе, набранное крупным шрифтом, выделялось правительственное сообщение: "В двадцатых числах августа с. г. на территории Советской России ОГПУ был задержан Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов Рабоче-Крестьянской России (Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя В. И. Степанова)".

Перечитав (в который раз!) правительственное сообщение, Савинков криво усмехнулся. Снова уставился в "копеечное" окно. Сквозь седую сетку дождя увидел серый клочок неба. "Седой", "Серый"... Мелькнуло что-то далекое, полузабытое. Слова "серый", "серые", "седой", "седые" имели когда-то для него иной смысл. "Седыми" назывались социал-демократы, а "серыми" -- социалисты-революционеры.

Как это было давно! И было ли?! Тоска. Смертельная тоска. Не верилось самому себе. Не укладывалось в собственной голове. Еще раз перечитал правительственное сообщение. Да, все верно. "Последний из могикан" попался. Дела ни к черту не годны. Фортуна ему изменила. Почему-то вдруг вспомнился Абрам Гоц, всегда немного завидовавший его профессиональной и житейской удачливости. Вместе начинали работать в "Боевой организации". Из одного гнезда вылетали. Вылуплялись, можно [296] сказать, из одного эсеровского яйца, согретого "бабушкой" террора Екатериной Брешко-Брешковской. Азы террора проходили в школе Гершуни и Азефа и, как впоследствии оказалось, под зорким оком Департамента полиции.

С 1902 по 1911 год более двухсот раз рвались в России эсеровские бомбы и раздавались револьверные выстрелы. Объектами террористических актов стали 2 министра, 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников охранных отделений, полицмейстеров, прокуроров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрьмы и других тюремных чиновников, 26 приставов, исправников и их помощников, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 шпионов и провокаторов.

Всякая другая работа, кроме террористической, объявлялась ЦК ПСР несущественной. Только на почве признания террора господствующей формой борьбы, расцвела провокаторская деятельность Евно Азефа, с 1893 года являвшегося платным агентом царской охранки. В 1905 году он выдал ей почти весь состав "Боевой организации", предотвратил покушения на министра внутренних дел Дурново и Николая П. И так деликатно и умело инсценировал "неудачи" этих террористических актов, что снискал глубокую благодарность эсеровского руководства в лице Михаила Гоца (старший брат Абрама Гоца), Виктора Чернова, Бориса Савинкова, Григория Гершуни, Владимира Зензинова, Андрея Аргунова и Хаима Житловского. Наговоры на Азефа были признаны результатами интриг полиции, которая хочет опозорить и тем самым обезвредить одного из самых ценных работников партии. И все же Евно Азефа разоблачили. Однако ему удалось скрыться и избежать возмездия. В чем не раз упрекал себя Савинков. Горькая эта пилюля по забывалась... Но террор, как таковой, как метод, оставался для Савинкова неприкосновенным.

"Дело Азефа -- тяжелый удар для партии, для революции, -- писал Б. В. Савинков. -- Но этот удар тяжел не тем, что подорвано моральное значение террора, -- террор Каляева чист, -- и не тем, что террор, как форма борьбы, невозможен: не будет Азефа -- будет террор. Этот удар тяжел и страшен другим. В эти темные дни торжества [297] палачей легко упасть духом, легко отречься от старых заветов, легко забыть свое прошлое. Дело Азефа поколеблет слабых, оно может смутить и сильных. Нужна большая любовь, чтобы поднять наше старое знамя, нужна горячая вера. Но ведь вера без дел мертва... и победа только за тем, в чьих руках меч".

Меч был в руках Савинкова. И он боролся. Менял обстановку. Создавал союзы, группировки. Улавливал бег времени. А у времени нет преград, нет границ. Есть только бесконечная спешка. Гонка. Переезды. Встречи. Разлуки. Потери. Браунинг -- в рукаве. Бомба -- в чемодане. Телеграммы и шифровки. Кровь убитых и убивавших. Рывок в светлое будущее за счастье России. По трупам сограждан и близких друзей. Террор...